

Азбука
PREMIUM

КНИГИ

ОРХАНА ПАМУКА

в серии «premium»

Джевдет-бей и его сыновья

Дом тишины

Белая крепость

Черная книга

Новая жизнь

Имя мне – Красный

Другие цвета

Снег

Стамбул. Город воспоминаний

Музей Невинности

ОРХАН ПАМУК

ДОМ ТИШИНЫ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.512.161
ББК 84(5Тур)-44
П 15

Orhan Pamuk
SESSIZ EV
Copyright © 1996, İletisim Yayıncılık A. S.
All rights reserved

Перевод с турецкого Аполлинаруи Аврутиной

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

Памук О.

П 15 Дом тишины : роман / Орхан Памук ; пер. с тур.
А. Аврутиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. —
352 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-08964-8

Действие почти всех романов Орхана Памука происходит в Стамбуле, городе загадочном и прекрасном, пережившем высочайший расцвет и печальные сумерки упадка. Подобная двойственность часто находит свое отражение в характерах и судьбах героев, неспособных избавиться от прошлого, которое продолжает оказывать решающее влияние на их мысли и поступки. Таковы герои второго романа Памука «Дом тишины», одного из самых трогательных и печальных произведений автора, по мастерству и эмоциональной силе напоминающего «Сто лет одиночества» Маркеса и «Детей Полуночи» Рушди. Перед читателем неспешно разворачивается история одной стамбульской семьи, рассказанная от лица различных ее представителей, каждый из которых заключен в свой собственный дом тишины, наполненный невысказанными мечтами и тревожными размышлениями о прошлом.

УДК 821.512.161
ББК 84(5Тур)-44

© А. Аврутина, перевод, 2007
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-08964-8

1

— Кушать подано, Госпожа, — сказал я. — Пожалуйста к столу.

Она ничего не ответила. Застыла на месте, опираясь о трость. Я подошел, взял ее под руку, подвел к столу и усадил. Она что-то пробормотала. Я спустился на кухню, принес поднос и поставил перед ней. Она взглянула, но к еде не притронулась. Проворчав что-то, она вытянула шею. Тут я вспомнил о салфетке, достал ее и повязал ей.

— Ну, и что ты приготовил сегодня на ужин? — спросила она. — Интересно, что ты на сей раз выдумал?

— Фаршированные баклажаны, — ответил я. — Вы же просили вчера.

— С обеда остались?

Я пододвинул ей тарелку. Она взяла вилку и, ворча, поковыряла баклажаны. Некоторое время рассматривала их, а потом стала есть.

— Госпожа, ешьте салат, — сказал я и вышел.

Тоже взял себе баклажан, сел и начал есть.

Вскоре раздалось:

— Соль! Реджеп, где соль?

Я встал, пошел к ней, поглядел на стол — солонка рядом с ней.

— Вот же ваша соль!

— Только что ее тут не было, — сказала она. — Почему ты выходишь, когда я ем?

Я не ответил.

— Они разве завтра не приедут?

— Приедут, Госпожа, приедут! — сказал я. — Не рассыпьте соль!

— Отстань! Они приедут?

— Завтра днем, — сказал я. — Они же звонили...

— Что у тебя еще есть?

Я унес остатки баклажана, красиво разложил на чистой тарелке фасоль и принес обратно. Она снова стала брезгливо ковыряться в тарелке, и тогда я опять вышел — я тоже обедаю. Через некоторое время она позвала меня — на этот раз нужен был перец, но я сделал вид, что не слышу. Потом она крикнула, чтобы я принес фрукты; я пошел и пододвинул к ней миску с фруктами. Ее костлявая, тонкая рука медленно бродила по персикам, словно усталый паук, потом наконец остановилась.

— Они все порченые! Где ты их нашел, на земле собирал?

— Они не порченые, Госпожа! — ответил я. — А спелые. Это самые лучшие персики. Купил в овощном. Вы же знаете — здесь не осталось персиковых деревьев...

Она, сделав вид, что не услышала меня, выбрала персик. Я вышел из комнаты и уже доедал фасоль, как вдруг раздалось:

— Развяжи! Реджеп, где ты, развяжи мне салфетку!

Я вскочил, побежал к ней и, потянувшись вверх, чтобы развязать ей салфетку, увидел, что она съела половину персиков.

— Дам-ка я вам лучше абрикосов, Госпожа, — сказал я. — А то потом скажете, что проголодались, и опять разбудите меня ночью.

— Спасибо, — сказала она. — Я, слава богу, еще не дошла до того, чтобы есть эту падалицу. Развязывай салфетку!

Я снял с нее салфетку, а когда стал вытирать ей рот, она сморщилась и закатила глаза, будто молилась. Потом встала:

— Отведи меня наверх!

Она оперлась на меня, и мы прошли несколько ступеней, но на девятой все же остановились передохнуть.

— Ты приготовил им комнаты? — спросила она, переводя дыхание.

— Приготовил.

— Ну хорошо, давай дальше, — сказала она и еще сильнее оперлась на меня.

Мы опять стали подниматься, и, когда добрались до последней ступеньки, она, проговорив: «Слава богу, девятнадцатая!» — вошла в свою комнату.

— Зажгите свет! — сказал я. — Я иду в кино.

— Надо же, в кино он идет! — отозвалась она. — Взрослый человек. Смотри, допоздна не задерживайся.

— Не задержусь.

Я спустился на кухню, доел свою фасоль, помыл посуду, снял передник; галстук на мне, пиджак взял, кошелек с собой. Я вышел на улицу.

С моря дует прохладный ветер, такой приятный; он шелестит листьями смоковниц. Я закрыл калитку и зашагал к пляжу: когда забор нашего двора кончился, начались мостовая и стены новых бетонных домов. На балконах в маленьких тесных садиках сидят люди, включили свои телевизоры, смотрят и слушают новости. На решетках мангалов жарится мясо, поднимается ароматный дым. У мангалов стоят женщины. Никто меня не видит. Семьи, жизни. Так интересно... Когда приходит зима, абсолютно все уезжают, и тогда на пустых улицах я слышу звук собственных шагов, и мне становится жутко... Холодно, я надел пиджак, свернул на боковую улицу.

Как странно думать, что все одновременно сидят за ужином и смотрят телевизор! Я бреду по переулкам. В конце одного из них, заканчивавшегося на маленькой площади, оставилась машина, из нее вышел только что приехавший из Стамбула и усталый на вид отец семейства с сумкой в руках и вошел в дом. Он так беспокоился, словно опаздывал на званый ужин с просмотром вечерних теленовостей. Я опять вернулся на набережную и услышал там голос Измаила:

— Национальная лотерея! До розыгрыша шесть дней!

Меня он не видел. А я не подал голоса. Он бродил между столиками — виднелась его голова, то исчезая, то вновь

появляясь. Потом его подозвали к столику, он подошел, наклонился и протянул девушке в белом платье с лентой в волосах пачку лотерейных билетов. Девушка с серьезным видом выбирала билет и довольно улыбалась отцу с матерью. Я уже отвернулся и не смотрю на них. Если бы я крикнул и Исмаил увидел бы меня, то, прихрамывая, быстро бы подошел ко мне. Он бы спросил: «Почему ты никогда к нам не заходишь, братец?» Я бы ответил: «Ваш дом далеко, Исмаил, да к тому же на холме». — «Да, ты прав, — согласился бы он и добавил: — Когда Доан-бей дал нам деньги, надо было мне покупать землю не на холме, а здесь, у моря! Ах, Реджеп, кабы взял я землю здесь, вместо того чтобы купить там, на холме, потому что ближе к вокзалу, то сегодня был бы миллионером». Да-да, именно так он и сказал бы. А его красивая жена всегда молчит и смотрит. Чего мне к ним ходить? Иногда зимой, по вечерам, когда мне не с кем поговорить, мне хочется к ним, я иду туда, но все время слышу одни и те же разговоры.

Маленькие бары на берегу совершенно пусты. Работают телевизоры. Разносчики чая расставили рядами сотни пустых чайных стаканчиков, и все они, чистые-пречистые, сияют в свете больших ярких лампочек. Разносчики ждут, когда закончатся новости, и тогда толпа заполнит улицы. Под пустыми столами кошки. Иду дальше.

К пирсу с противоположной стороны привязаны шлюпки. На маленьком грязном песчаном пляже никого нет. Задохшие водоросли, выброшенные на берег, бутылки, куски полиэтилена... Говорят, что дом лодочника Ибрагима скоро снесут, и кофейню тоже. Я внезапно разволновался, увидев освещенные окна кофейни. Может быть, найдется кто-нибудь, кто не играет в карты, мы поговорим, он спросит меня, как дела, я расскажу, он выслушает, потом я его спрошу, он будет рассказывать, а я — слушать. Во время разговора мы оба будем кричать из-за громкого звука телевизора и шума голосов. Это дружба. Может, мы даже в кино вместе пойдем.

Но когда я вошел в кофейню, у меня сразу испортилось настроение, потому что те двое парней снова были там. Ну вот: завидев меня, они оживились, переглянувшись, усмехнулись. Я вас в упор не вижу, смотрю на свои часы, ищу себе собеседника. А, вон слева сидит Невзат, наблюдает за игрой картежников. Я подошел к нему, забрался на стул и уселся. С довольным видом повернулся, улыбнулся ему и сказал:

— Здравствуй. Как дела?

Он ничего не ответил.

Я немного посмотрел телевизор — заканчивались новости. Затем я посмотрел на карты, переходившие от одного игрока к другому, и на Невзата, наблюдавшего за ними, дождался, пока партию доиграют; она закончилась, и все весело заговорили друг с другом. Но не со мной. Затем началась следующая партия, и все опять ушли в нее с головой, а потом игра снова закончилась. Когда карты стали раздавать в очередной раз, я заговорил, потому что решил сказать наконец что-нибудь:

— Невзат, ты утром продал очень хорошее молоко.

Он кивнул, не отрывая глаз от карт.

— А знаешь, жирное молоко полезно.

Он опять кивнул. Я посмотрел на часы: без пяти девять. Затем — на экран телевизора. Должно быть, я задумался, потому что заметил хихиканье парней не сразу. У них в руках была газета, и я подумал: «О господи, неужели там опять карикатура? Ведь они смотрели то на меня, то в газету и мерзко пересмеивались. Реджеп, обращай внимания!» Но потом я все-таки решил: «Наверное, там карикатура. Газеты иногда их печатают — они безжалостны. А под ней еще напечатывают фотографии голых женщин и медведей из зоопарка, у которых родились медвежата, и несправедливую, дурацкую статью». Почему-то я повернулся к Невзату и машинально спросил:

— Как дела?

Он на секунду повернулся ко мне, пробормотав что-то, но, так как в голове у меня был только рисунок, я не нашелся что ответить, и возможность начать разговор была упущена.

Вдобавок от нечего делать я опять посмотрел в сторону тех двух парней. Мы встретились взглядами, и тогда они деланно улыбнулись. Я отвернулся. В игре выпал король. Игроки ругнулись, обрадовались, потом расстроились. Потом началась новая игра, другие карты, другое веселье. Карикатура там, что ли? Внезапно мне пришло в голову попросить:

— Джемиль! Сюда один чай!

Так я нашел то, что позволит мне хотя бы ненадолго забыть о рисунке и отвлечься. Но этого хватило ненадолго, я опять задумался о газете, куда со смехом смотрели парни. Когда я еще раз обернулся, они показали газету Джемилю, и он смотрел туда, на что они указывали. А затем Джемиль заметил, что я с беспокойством смотрю на них, ему стало неудобно, и он внезапно закричал на парней:

— Ах вы, бессовестные!

Итак, стрела выпущена из лука. Теперь я не могу сделать вид, что ничего не происходит. Мне следовало давно встать и уйти отсюда. Парни хохочут.

— Что случилось, Джемиль? — спросил я. — Что там, в газете?

— Ничего! — ответил он. — Всякая ерунда!

Любопытно невыносимо. Я попытался взять себя в руки, но у меня нет сил. Как зачарованный, я слез со стула и медленно пошел к Джемилю мимо примолкших парней.

— Дай-ка мне эту газету!

Он попытался ее спрятать. А потом с виноватым видом произнес:

— Как странно! Разве такое может быть? Зачем это?

А затем, повернувшись к парням, добавил:

— Бессовестные! — И наконец, слава богу, протянул мне газету.

Я выхватил газету у него из рук, как голодный — хлеб, раскрыл ее. Сердце бешено колотится. Задыхаясь, я смотрю туда, куда он показывает, но нет, никакой карикатуры нет.

— Где?

— Вот! — ответил Джемиль с любопытством и ткнул пальцем в страницу.

Я быстро прочитал: «Историческая рубрика»... «Старинные сокровищницы Юскюдара¹»... «Поэт Яхья Кемаль и Юскюдар»... Ниже маленькие заголовки: «Мечеть Рум Мехмет-Паша»... «Мечеть Ахмедие и общественный источник рядом с ней»... «Мечеть Шемси-Паша, при ней библиотека»... Затем палец Джемиля неловко опустился ниже, и я увидел: «Дом карликов в Юскюдаре!»

Кровь ударила мне в лицо. На одном дыхании я прочел: «...Помимо вышеперечисленного, в Юскюдаре некогда находился и дом карликов. Этот дом, созданный не для обычных людей, а для лилипутов, ничем не отличался от обычных домов. Только размеры комнат, дверей, окон и лестницы были для карликов, а обычному человеку нужно было согнуться, чтобы войти. Согласно исследованиям искусствоведа, нашего учителя, профессора, доктора наук Сюхейля Энвера, этот дом приказала построить супруга Султана Мехмеда III, мать Султана Ахмеда I², Хандан Султан, очень любившая своих карликов. Чрезмерная любовь этой женщины к своим карликам играет важную роль в истории султанского гарема. Хандан Султан пожелала, чтобы ее дорогие друзья, которых она так любила, после ее смерти жили вместе, в покое и без забот, и выполнить ее волю поручили главному придворному плотнику, мастеру Рамазану. Говорили, что его работа и резьба по дереву были столь совершенны, что дом прослыл маленьким шедевром. Но поскольку в записках Эвлии Челеби³, посетившего в те же годы Юскюдар, об этом доме ничего не говорилось, мы вынуждены заметить, что достоверно неизвестно, существовал ли такой необычный, интересный дом на самом деле или нет. Даже если такой странный дом действительно существовал, то во время известного пожара 1642 года, когда выгорела большая часть Юскюдара, он, должно быть, был утрачен».

¹ *Юскюдар* — район в азиатской части Стамбула.

² *Султан Мехмед III* (годы правления 1595–1603) — отец *Ахмеда I* (годы правления 1603–1617).

³ *Эвлия Челеби* (1611–1682/1683) — османский путешественник, географ, писатель.

Я был потрясен тем, что прочел. У меня дрожали ноги, спина взмокла от пота.

— Не придавай значения, Реджеп! — сказал Джемиль. — Чего ты обращаешь внимание на этих негодяев?

Мне жутко хочется прочитать газету еще раз, но у меня нет сил. Я словно задыхаюсь. Газета выскользнула у меня из рук и упала на пол.

— Сядь ты, — сказал Джемиль. — Успокойся. Ты обиделся, расстроился. — Повернувшись к парням, он еще раз повторил: — Бессовестные!

Я, с трудом держась на ногах, тоже посмотрел на них и увидел, что они смотрят на меня с ехидным любопытством.

— Да, — промолвил я, — я расстроился. — Немного помолчал и послушал, что он мне говорит, а потом собрал все силы и сказал: — Но я расстроился не оттого, что я карлик. Я расстроился потому, что люди такие плохие, что могут смеяться над пятидесятипятiletним карликом.

Наступила тишина. Кажется, мои слова все услышали, даже те, кто играл в карты. Мы встретились взглядом с Невзатом. Интересно, он понял? Парни смотрят перед собой; наверное, им стало немного стыдно. У меня кружится голова, телевизор шумит.

— Бессовестные! — повторил Джемиль в пустоту. — Стой, Реджеп, куда ты? — позвал он.

Я не ответил. Качаясь, сделал несколько маленьких шагов — веселые огни кофейни остались у меня за спиной. Я опять на улице, в прохладной темной ночи.

Я не в состоянии идти, но, сделав над собой усилие, прошел еще несколько шагов, а затем сел на одну из тумб у края пирса. Я глубоко вдыхал чистый воздух, сердце все еще колотилось. Что делать? Вдалеке сияют огни баров и ресторанов; по деревьям развешены разноцветные фонарики, и под этими фонариками сидят люди, едят и беседуют друг с другом. Боже мой!..

Дверь кофейни открылась, и я услышал, как Джемиль зовет меня:

— Реджеп, Реджеп! Где ты?

Я не подал голоса. Он не увидел меня и пошел обратно.

Много времени спустя я услышал шум поезда на Анкару и поднялся. Должно быть, сейчас десять минут десятого. Я рассуждал так: разве все это — не просто слова? Разве все это — не облако звуков, что исчезнет, едва только образуется в пустоте? Я немного успокоился, но домой возвращаться не хочется, а больше делать нечего: пойду в кино. Я остыл, сердце забилося ровно, сейчас мне гораздо лучше. Я глубоко вздохнул и пошел.

Вот и кофейня осталась позади; там, конечно же, все давно забыли обо мне и о моих словах. Телевизор, естественно, шумит, а парни ищут, над кем бы еще посмеяться, если Джемилей их не прогнал. Я опять иду по улице, здесь много народу, все поужинали и теперь гуляют, чтобы растряссти съеденное, пока не уселись перед телевизором или в баре. Они едят мороженое, разговаривают, здороваются друг с другом — женщины, их мужья, по вечерам возвращающиеся из Стамбула, и их что-то жующие дети; они узнают друг друга и снова здороваются. Я прошел мимо ресторанов, Измаила не видно. Может, билеты у него кончились и он сейчас поднимается к своему дому. Если бы вместо кино я пошел к нему, мы бы поболтали. Но, как всегда, об одном и том же.

На улице уже было очень много народу. Машины перед кафе и люди, по двое, по трое шагавшие по главной улице, мешали движению. Я в пиджаке и при галстуке, но находиться в такой толпе выше моих сил: я свернул в переулки. На тесных улочках, освещенных синим светом телевизоров, дети играют в прятки среди припаркованных машин. В детстве я думал, что мог бы хорошо играть в эту игру, но тогда я не мог найти в себе смелости присоединиться к ним, как Измаил. Но если бы мог играть, то спрятался бы лучше всех. Если здесь — то, например, среди развалин старинного постоялого двора, где, как говорила мама, когда-то была чума, а если в деревне — то в конюшне. И если бы я сам никогда не вышел, то посмотрели бы мы, над кем бы все смеялись. Мама-то

меня искала бы, говорила: «Измаил, где твой старший братик?» — а Измаил шмыгал бы носом и отвечал бы: «Откуда я знаю», а в это время я слушал бы их и потом сказал бы: «Мама, я буду жить тайно, в одиночестве, никому не показываясь», — но мама вдруг начала бы так плакать, что я сказал бы: «Ладно-ладно, мама, я выхожу, смотри, вот я, здесь, я больше не прячусь, мама», и мама спросила бы: «Почему ты прячешься, сынок?» — и я бы подумал, что, наверное, она права, — зачем прятаться, скрываться? И тут же забыл бы обо всем.

Я увидел их, когда быстро шагал по главной улице. Сыткы-бей возмужал, женился, рядом с ним его жена, у них даже есть ребенок — с меня ростом. Он узнал меня, улыбнулся, остановился.

— Здравствуй, Реджеп-эфенди, — сказал он. — Как у тебя дела?

Я всегда жду, пока со мной заговорят первыми.

— Здравствуйте, Сыткы-бей, — ответил я. — Спасибо, хорошо.

Мы с ним пожали друг другу руки, а с его женой — нет. Ребенок смотрел на меня испуганно, с любопытством.

— Милая, Реджеп-эфенди — один из самых старых жителей Дженнет-хисара¹.

Его жена, улыбаясь, кивнула. Я обрадовался — горжусь, что я старейший житель этого городка.

— Бабушка в порядке?

— Ох, — ответил я, — Госпожа жалуется на все!

— Столько лет прошло! — сказал он. — А где Фарук?

— Они завтра приедут, — сказал я.

Он повернулся к жене и начал рассказывать, что Фарук-бей — его друг детства. А потом мы, не пожав друг другу рук, а лишь на прощанье кивнув, расстались. Сейчас он, конечно же, рассказывает жене о своем детстве и обо мне: как я, когда они были маленькими, отвел их к колодцу и стал учить

¹ *Дженнет-хисар* — маленький городок под Стамбулом.

их ловить кефаль, и тогда ребенок спросит: «Папа, а почему этот человек такой маленький?» Я с давних пор отвечал на это: «Потому что его мама родила его незамужней». Сыткы женился. Фарук-бей тоже женился, но детей у них не было, а так как у моей мамы, наоборот, дети были, Госпожа отослала нас с мамой в деревню. Перед тем как отослать нас, она ругала и била нас с мамой своей тростью, а мама умоляла: «Перестаньте, Госпожа, дети-то в чем виноваты?» Мне иногда кажется, что я слышал эти слова в тот ужасный день...

Я пришел на ту улицу, где был кинотеатр, послушал музыку — перед фильмом всегда играют. Здесь всегда хорошее освещение. Я посмотрел на афиши: «Встретимся в раю». Старый фильм: Хюлья Коч-Йигит и Эдиз Хун¹ на первой фотографии обнимают друг друга, потом фотографии, где Эдиз в тюрьме, а Хюлья поет песню, но, не посмотрев фильм, невозможно понять, в какой последовательности все это происходит. Людям любопытно, и, наверное, об этом известно — потому и фотографии на улице вешают. Я пошел в кассу — пожалуйста, один билет, — кассир отрезал и протянул мне его — спасибо, — а еще я спросил: «Фильм хороший?»

Не видел, говорит. Бывает, мне ни с того ни с сего хочется с кем-нибудь поговорить. Я пошел, сел на свое место, стал ждать. Вскоре начался фильм.

Сначала они познакомились, девушка — певица, он ей не нравится, но однажды парень спасает ее от плохих и начинает ей нравиться, и она понимает, что любит его, но ее отец против этой свадьбы. Потом парень попадает в тюрьму. Начался небольшой перерыв, но я остался сидеть и не пошел на улицу вместе со всеми. Потом фильм продолжился: девушка вышла замуж за владельца казино, но у них не было детей, и они ничего не предпринимали. Когда ее муж стал ходить к одной дурной женщине, а Эдиз сбежал из тюрьмы, они встретились в доме у моста через Босфор, и Хюлья Коч-Йигит спела песню. Когда я слушал эту песню, мне стало

¹ *Хюлья Коч-Йигит* и *Эдиз Хун* — известные турецкие киноактеры.

немного грустно. Потом, когда он решил избавить ее от плохого мужа, тот уже сам заслужил себе кару, и стало ясно, что теперь они могут пожениться. Ее отец с радостью смотрит им вслед, и они идут по дороге рука об руку, идут и идут, и постепенно становятся все меньше, и появляется слово КОНЕЦ.

Зажегся свет, мы вышли на улицу, все шепотом говорят о фильме. Я бы тоже хотел поговорить с кем-нибудь. Десять минут двенадцатого, Госпожа, конечно же, ждет, но домой мне не хочется.

Я пошел к дороге, спускавшейся к пляжу. Может быть, дежурит аптекарь Кемаль-бей, может, он не спит. Я его беспокою, мы поговорим, расскажу ему обо всем, он задумчиво выслушает меня, глядя на парней в свете витрины закуской напротив, споривших, у кого машина лучше. Увидев, что в аптеке горит свет, я обрадовался: он не спит. Я открыл дверь, зазвонил колокольчик. О господи, это не Кемаль-бей, а его жена.

— Здравствуйте, — сказал я, помедлив. — Мне нужен аспирин.

— Упаковка или штучно? — спросила она.

— Две штуки. Голова болит. Мне немного не по себе... Кемаль-бей... — говорю я, но она не слушает: берет ножницы, отрезает аспирин, дает таблетки мне. Я протягиваю ей деньги и спрашиваю: — Кемаль-бей утром был на рыбалке?

— Кемаль спит наверху.

Я взглянул на потолок. Он спит там, в полуметре от потолка. Проснись он, я бы все ему рассказал; может быть, он сказал бы что-нибудь о бессовестных парнях, а может, ничего бы не сказал, просто посмотрел бы задумчиво на улицу, а я бы говорил, мы бы разговаривали. Я взял сдачу, которую положила мне своей маленькой белой ручкой его жена. Затем сразу углубилась в журнал, лежавший на прилавке, — наверное, комикс. Красивая женщина! Я пожелал спокойной ночи, вышел, не мешая ей читать, — прозвенел колокольчик. Улицы опустели, дети, игравшие в прятки, разошлись по домам. Что делать, придется вернуться домой.

Притворив калитку, я увидел через ставни свет в комнате Госпожи: она не спит, пока я не лягу. Я вошел через кухонную дверь, запер ее на замок, побродил немного по кухне, и, когда стал медленно подниматься по лестнице, мне вдруг пришло в голову: интересно, а в том доме в Юскюдаре были лестницы? В какой же это было газете? Завтра пойду в бакалею и куплю этот номер, спрошу бакалейщика: «У тебя есть „Терджуман“?»¹ Наш Фарук-бей попросил, он историк, ему стало интересно, что там в исторической рубрике...» Я поднялся наверх, вошел к ней в комнату. Она лежала в постели.

— Я пришел, Госпожа, — сказал я.

— Молодец, — ответил она. — В конце концов ты зашел и домой.

— Что делать, фильм поздно кончился.

— Ты хорошо запер двери?

— Хорошо, — ответил я. — Вам что-нибудь нужно? Я ложусь. А то потом меня разбудите.

— Они приезжают завтра, да?

— Да. Я постелил им постели и приготовил комнаты.

— Хорошо, — проговорила она. — Закрой мне дверь хорошенько.

Я вышел и закрыл дверь. Сразу лягу и усну. Я стал спускаться по лестнице.

2

Я слышу, как он спускается по лестнице — ступенька за ступенькой. Что он делает на улице до поздней ночи? Не думай об этом, Фатма, иначе в голову полезут всякие гадости. Но все-таки любопытно. Интересно, хорошо ли запер двери коварный карлик? Ему же все равно! Сразу ляжет в кровать и проспит всю ночь, похрапывая, как истинный сын своей служанки-матери. Спи, карлик, спи беззаботным, беспечным

¹ «Терджуман» («Переводчик») — крупная еженедельная турецкая газета.

сном слуги, спи, а ночь пусть достанется мне. Я не могу уснуть. Я думаю, что засну и забуду, но лишь жду сон и, пока жду, понимаю, что жду напрасно. Но жду.

Селяхаттин сказал бы, эта твоя бессонница — химическая проблема, сон — такое же явление, как и все остальные, и его можно познать, Фатьма, формулу сна однажды непременно откроют, как когда-то открыли формулу воды — H_2O . Естественно, откроют ее не наши увальни, а опять, как это ни печально, европейцы, и тогда никто не будет понапрасну ждать до утра, надев смешную пижаму и забравшись между этими бесполезными простынями и твоими смешными глупыми одеялами в цветочек, чтобы прошла усталость. Тогда нам будет достаточно накапать в стакан воды три капли из маленькой бутылочки и выпить, чтобы стать совершенно свежими и полными жизни, словно мы только что проснулись. Ты можешь представить, Фатьма, что мы сможем сделать тогда за то время без сна, что достанется нам, ты можешь представить себе эти часы без сна?

Мне не нужно думать об этом, Селяхаттин, я знаю: я буду смотреть в потолок, буду смотреть на него и ждать, пока какая-нибудь мысль не захватит и не унесет меня отсюда, но сон так и не придет. Если бы я могла пить вино и раки, я бы, может быть, спала, как ты, но мне не нужен такой ужасный сон. Ты выпивал по две бутылки: я, Фатьма, пью не ради удовольствия, а чтобы прояснилось в голове и прошла усталость от работы над энциклопедией. А потом ты спал с открытым ртом и храпел, а я убежала, потому что мне был противен запах раки, которым несло у тебя изо рта, напоминавшего мне темный колодец, где лягушки совокупаются с пауками. Холодная, несчастная женщина, ты же бездушная, как камень! Выпила бы ты хоть рюмочку, может, поняла бы! Ну, Фатьма, давай выпей, пожалуйста, пей — я приказываю, ты что, не знаешь, что нужно слушаться своего мужа?! Вот, знаешь! Тебя так учили. Так что пей, я тебе приказываю. Пей, а грех я беру на себя, давай, Фатьма, пей, пусть твой разум станет свободным; ну-ка пей — твой муж тебя просит,

давай, не бойся; о господи, эта женщина заставляет меня ее упрашивать, мне надоело это одиночество, да что тут такого, Фатьма, выпей рюмочку, или ты не слушаешься своего мужа?

Нет, не поддамся я лживой змее! Никогда я не пила. Только раз. Из любопытства. Когда никого не было. Помню соль на кончике языка, лимон и этот ядовитый вкус. Потом я испугалась и пожалела, что попробовала; сразу же прополоскала рот, все вылила и несколько раз вымыла стакан и с любопытством стала ждать, что у меня закружится голова, села, чтобы не упасть; было страшно — господи, неужто я стану пьяницей, как он, но ничего не случилось. Я поняла это и успокоилась — шайтан до меня не доберется.

Я смотрю на потолок. Мне больше не уснуть, лучше встану. Пошла, ловко открыла ставни, ведь комары меня не беспокоят. Я легонько оттолкнула створки окна. Ветер успокоился. Тихая ночь. Смоковница замерла. У Реджепа свет не горит: он, естественно, сразу уснул, карлику ведь не о чем беспокоиться, сразу засыпает. Все его заботы — еда, да горстка моего белья, да покупки на базаре, а покупает он в результате гнилые персики, да и то после того, как часами прослоняется по улицам.

Моря мне не видно, но я представляю себе, как оно простирается во все стороны — так далеко, что даже не видно. Мир такой огромный! Как приятно пахнет на шумных катерах и лодках, в которых всегда плавают голышом! Мне так нравится этот запах! А еще я слышу сверчка. За неделю прополз дорогу длиной в шаг. А я даже столько не прошла. Когда-то я думала, что мир прекрасен; я была ребенком, я была глупой. Я закрыла ставни, повернула задвижку — пусть мир останется там.

Медленно села на стул, посмотрела на стол. Вещи среди безмолвия. Наполовину полный кувшин, а в нем замерла вода. Когда мне захочется пить, я открою стеклянную крышку, дотронуся до него, подниму, стану лить воду в стакан и буду смотреть и слушать, как она льется. Стекло будет

позвякивать, вода медленно польется с тихим плеском — и от нее повеет прохладой. Это нечто новенькое; это меня развлечет, я отвлекусь, но пить не буду. Пока не буду. Нужно экономно расходовать то, что позволяет делить время. Я смотрю на свою щетку для волос и вижу застрявшие в ней волосинки. Беру и вычищаю ее. Мои слабые, тонкие девятидесятилетние волосы постепенно исчезают. Исчезает то, что называют временем; время-время, пробормотала я. Я перестала чистить щетку и положила ее спинкой вниз: она лежала, как насекомое, перевернувшееся вверх лапками, и я испугалась. Если я все так и оставлю и тысячу лет к ним никто не прикаснется, то все тысячу лет так и простоит. Ключ, кувшин, предметы на столе. Как странно — все останется, все застынет! Тогда и мысль моя застынет, как кристалл льда, замрет, без цвета и без запаха; вот бы застыла!

Но завтра они приедут, а я опять буду думать. Здравствуй, здравствуй, Бабулечка, как твои дела, как ты, поцелуют мне руку, долгих лет тебе. Бабушка, как вы, как вы, Бабушка? Я буду рассматривать их. Не говорите все сразу, хором, нука, ты, иди сюда, подойди ко мне. Расскажи, чем ты занимаешься? Я знаю, что спрошу, чтобы быть обманутой, и выслушаю несколько пустых слов, чтобы услышать ложь! Это и всё?! Вы не поговорите со своей Бабушкой? Они переглянутся, о чем-то поговорят между собой, похихикают, а я все услышу и все пойму. В конце концов они станут кричать. Не кричи, не кричи, уши мои еще слышат, хвала Аллаху! Простите, Бабушка, другая наша бабушка тоже плохо слышит! Я — не она! Я мать вашего отца, а не матери. Извините, извините! Хорошо-хорошо, давайте рассказывайте! Расскажите что-нибудь! Что именно? Ну, хотя бы об этой вашей второй бабушке, о ней расскажите, что она делает? Внезапно они растерянно замолчат: действительно, что делает другая наша бабушка? И тогда я пойму, что они не научились видеть и понимать, ну и ладно, но я все-таки буду спрашивать их, хоть и не для того, чтобы им поверить, и, когда я все же решу спросить, увижу: они уже, конечно, давно обо всем

и думать забыли. Они заняты не мной, не комнатой, не тем, что я спрашиваю, а своими собственными мыслями, а я опять одна...

Я потянулась и взяла с тарелки абрикос, ела и ждала. Нет, не помогло. Я снова здесь, среди вещей, и ни о чем не думаю. Смотрю на стол. Без пяти двенадцать. Рядом с часами бутылка одеколона, газета, а около нее — носовой платок. Так они и лежат. Я буду смотреть на них, взгляд мой будет бродить по ним, буду рассматривать их — в надежде, что они мне что-нибудь скажут, но они так о многом напоминали мне, что теперь им уже нечего сказать. Это просто бутылка одеколона, газета, платок, ключ и часы. Часы тикают, и никто, даже Селяхаттин, не знает, что такое время. Тут появилась другая мысль, а за ней еще одна, маленькая и беспокойная, — смотри не думай слишком долго ни об одной из этих минут, прыгай, выходи отсюда, давай выйдем вместе, из времени и из комнаты. Я съела еще один абрикос, но выйти не смогла. В таком случае я обычно еще дольше смотрю на предметы, мне хочется, чтобы привычная мысль напугала и отвлекла меня: если бы меня не было и никого не было, то вещи стояли бы на своих местах бесконечно долго, и тогда никто не смог бы даже подумать, что он не знает, что такое жизнь, никто!

Нет, отвлечься мне не удалось. Я встала со стула, пошла в туалет, помылась и, не задев паука, висевшего в углу, вернулась в комнату. Я повернула выключатель, и лампа, свисавшая с потолка, погасла, горит только та, что у изголовья моей кровати, и я ложусь в постель. Жарко, но что делать — я не могу спать без одеяла: его можно обнять, под него можно лечь, в нем можно спрятаться. Я опустила голову на подушку, жду и знаю, что сон сразу не придет. Бледный свет лампы падает на потолок, я слушаю сверчка. Какие жаркие ночи летом!

Правда, раньше, кажется, летом бывало жарче. Мы пили лимонад, пили шербет. Но не на улицах, где его продавали мужчины в белых передниках. Мама говорила: дома нальем

в чистые стаканы и выпьем, Фатьма. Мы возвращаемся с рынка; в лавках ничего интересного. Вечером мы ждем отца, он придет, будет говорить, мы — слушать; запахнет табаком, и он, покашливая, будет рассказывать нам о чем-то. Однажды он сказал: Фатьма, к тебе один доктор сватается. Я молчу! Подумаешь, доктор! Я молчу, и отец ничего не говорит, но на следующий день еще раз повторяет об этом, а мне еще только шестнадцать лет, и мама говорит — слушай, он, кажется, врач, а я подумала: вот странно, интересно, где он меня увидел? Мне стало страшно, и я ни о чем не спросила, но все же задумалась: врач. Пустая черепушка? Потом отец напомнил еще раз и добавил: у него блестящее будущее, Фатьма, я навел справки, он трудолюбивый, может быть, немного скупой, но порядочный и умный человек, подумай хорошенько. Я промолчала. К тому же было очень жарко, мы пили шербет... Не знаю я... В конце концов я сказала «ладно», и тогда отец подозвал меня к себе — дочка, ты покидаешь отцовский дом, вот что заруби себе на носу... — он говорил о том, что мужчинам нельзя задавать много вопросов, любопытство пристало кошкам, — хорошо, папа, вообще-то я знаю об этом, — дочка, я напомню тебе об этом еще раз, и руки так не складывай, и ногти не грызи — ты уже взрослая, — хорошо, папа, я не буду спрашивать — ты не будешь спрашивать — я не спрашивала.

Я не спрашивала. Прошло четыре года, но у нас все еще не было детей, потом я поняла — из-за стамбульского климата; жарким летним вечером пришел Селяхаттин не к себе в смотровую, а прямо ко мне и сказал: теперь, Фатьма, мы не будем жить в Стамбуле! Я не спросила — почему, Селяхаттин, но он стал рассказывать, размахивая руками, как непоседа-ребенок: теперь, Фатьма, мы не будем жить в Стамбуле, сегодня меня позвал Талат-паша и сказал: доктор Селяхаттин, больше ты жить в Стамбуле не будешь и политикой заниматься тоже не будешь! Вот что сказал мне этот наглец! Я было ответил — нет, а он сказал: ты говоришь, что большой герой, а мы тебя тогда вместе со всеми прямо сейчас,

первым же кораблем, отправим в Синопскую тюрьму, тебе же этого не хочется, что поделаешь, ты много против нас выступал, ты ругал партию, но ты ведь разумный человек, подумай сам — ты женат, ты врач, у тебя хорошая профессия, ты где угодно в мире сможешь запросто заработать себе на жизнь, а как у тебя с иностранными языками, дорогой мой? Накажи тебя Аллах! Фатьма, ты понимаешь, эти партийцы из «Единения и прогресса»¹ совсем обнаглели, не терпят свободу, так чем тогда они отличаются от Абдул-Хамида?² Так и быть, Талат-эфенди, ваше предложение я принимаю, и если я прямо сейчас собираю свои шмотки, то не думай, что я боюсь Синопской тюрьмы. Нет! Мы едем в Париж, Фатьма, не потому, что я боюсь тюремных стен, а потому, что знаю, что смогу ответить вам, как надо, только из Парижа; Фатьма, продай несколько колец и бриллиантов! Не хочешь, ладно, у меня осталось кое-что от отца; если и этого не хватит, то мы поедem не в Европу, а в Салоники; зачем нам выезжать из страны, поедem в Дамаск; знаешь, доктор Рыза уехал в Александрию и пишет оттуда, что очень много зарабатывает; где мои письма, не могу найти, господи, сколько раз говорить — не прикасайтесь к моему столу; и в Берлин можно, а о Женеве ты когда-нибудь слышала; а эти все тут стали хуже Абдул-Хамида; ну чего ты, давай не стой и не смотри на меня так растерянно, а собирай чемоданы и коробки, жена борца за свободу человека должна быть стойкой, разве не так; нечего бояться. Я молчала и даже не сказала — поступай как знаешь, а Селяхаттин все говорил и рассказывал, как партийцы в свое время проучили Абдул-Хамида из Парижа,

¹ «Единение и прогресс» («Иттихад ве Теракки»), или партия «младотурок», — националистическая партия, созданная в 1889 году в Париже. После прихода к власти в результате Младотурецкой революции в 1908 году оставалась правящей партией вплоть до 1918 года.

² *Абдул-Хамид II* — османский султан, правивший с 1876 по 1909 год. В результате Младотурецкой революции 1908 года некоторое время оставался конституционным монархом, но был окончательно низложен в 1909 году, некоторое время находился в ссылке в Салониках, а затем жил в Стамбуле вплоть до своей кончины в 1918 году.

а теперь он покажет им всем из Парижа и что наступит такой день, когда мы тоже вернемся с победой из Парижа на поезде! А потом он сказал — нет, поедem в Дамаск. Или в Измир. Вечером он уже говорил, что согласен ехать в Трабзон; Фатьма, мы должны продать наше имущество, ты готова пожертвовать всем? Ведь я хочу отдать все свои силы борьбе, ни о чем не говори при слугах, Фатьма, у стен есть уши. Талат-эфенди, тебе совсем не надо выгонять меня: я и сам не намерен оставаться в этом проклятом борделе под названием Стамбул, куда мы поедem; Фатьма, скажи что-нибудь! Я молчала и думала, что он как ребенок. Да, так обмануть шайтан может только ребенка, я вижу, что вышла замуж за ребенка, которого можно сбить с пути с помощью нескольких книг. Той ночью я вышла из своей комнаты — было жарко, я решила попить чего-нибудь, увидела свет в его комнате, пошла туда, тихонько открыла дверь, заглянула и увидела: Селяхаттин оперся локтями о стол, закрыл руками лицо и плачет — уродливый свет тусклой лампы светит на его заплаканное лицо. На столе перед ним стоит неизменный череп и смотрит на то, как плачет взрослый мужчина. Я осторожно прикрыла дверь, пошла на кухню, выпила стакан воды и подумала — значит, он совсем ребенок, ребенок.

Я медленно встаю с кровати и сажусь за стол, смотрю на графин. Как это воде удастся находиться там, не двигаясь? Кажется, я удивилась, будто кувшин с водой — что-то особенное. Однажды я поймала стаканом пчелу. Всякий раз, когда мне становилось скучно, я вставала с кровати и смотрела на нее: она два дня и две ночи ползала по стакану, пока не поняла, что выхода нет, а потом догадалась, что не останется ничего другого, кроме как затаиться в углу, сидеть не шевелясь и ждать, не зная чего. Тогда она показала мне мерзкой и отвратительной, я открыла ставни, придвинула стакан к краю стола и подняла его, чтобы она улетела, но глупое создание осталось на месте! Она так и осталась на столе. Я позвала Реджепа и велела ему раздавить отвратительное существо. Он оторвал кусочек газеты, аккуратно поднял

пчелу и выбросил из окна. Пожалел ее. Сам такой же, как эти насекомые.

Я налила в стакан воды, пью медленно, допила. Чем бы заняться? Я встала со стула, легла в кровать, на бок, положила голову на подушку и подумала о том времени, когда Селяхаттин строил здесь этот дом. Он держал меня за руку и водил по будущему дому: здесь будет моя смотровая, здесь — столовая, здесь — кухня как в Европе; я приказал построить для каждого ребенка отдельную комнату, потому что каждый должен иметь возможность развиваться как личность, уединившись в своей комнате; да, Фатьма, я хочу троих детей: видишь, я и решетку на окнах не делаю, как это ужасно — решетка, разве женщина — птица или животное? Все мы свободны, хочешь — можешь бросить меня и уехать; у нас тоже будут ставни, как у них; и перестань, Фатьма, говорить — «у них», «у нас», а выступ этот называется не шахнишин¹, а балкон — окно на свободу; какой прекрасный вид, правда, Фатьма? Стамбул, наверное, под теми облаками, всего пятьдесят километров, вот хорошо, что мы сошли с поезда в Гебзе², время пройдет быстро, да я и не думаю, что с такими тупицами в правительстве они задержатся надолго, может, «Единение и прогресс» свергнут, пока мы еще не достроим наш дом, и тогда мы, Фатьма, сразу же вернемся в Стамбул...

Потом дом достроили, а у меня родился мой Доан, и опять началась война, но глупое правительство «Единения» все еще было у власти, и Селяхаттин говорил мне: езжай-ка теперь ты, Фатьма, в Стамбул, Талат мне запретил жить в Стамбуле, а не тебе; почему бы тебе не уехать — увидишь свою мать, отца, сходишь к подругам — дочкам Шюкрю-паши, пройдешься по магазинам, купишь себе новой одежды или хотя бы наденешь показать маме то, что шьешь и вяжешь здесь, когда с утра до вечера крутишь педаль швейной

¹ *Шахнишин* — традиционное помещение, встречавшееся, как правило, в домах состоятельных людей в Малой Средней Азии в виде смежного с гостиной алькова либо антресоли.

² *Гебзе* — небольшой город под Стамбулом.

машины или когда портишь по ночам свои прекрасные глаза вязанием; Фатьма, почему ты не уедешь, говорил он. Но я отвечала: нет, Селяхаттин, мы поедем вместе, когда их сместят, мы поедем вместе. Но их все никак не смещали. Потом однажды я увидела в газете... Газеты Селяхаттина приходили с опозданием на три дня, но он теперь не набрасывался на них, как прежде. Теперь его не интересовали новости с войны, поступавшие из Палестины, Галиции и с Дарданелл, и иногда я первая читала эти газеты, так как он забывал пролистать их после ужина. Узнав, что партия «Единение и прогресс» свергнута, я положила статью перед ним на тарелку, будто красивый, спелый фрукт. Он отвлекся от своей энциклопедии, чтобы поесть, взглянул на тарелку и тотчас заметил статью — ведь она была написана огромными буквами. Он прочел и ничего не сказал. А я ни о чем не спросила, но поняла, что после обеда он не написал в своей энциклопедии ни строчки, так как до самого вечера у меня над головой раздавались звуки его шагов. А когда и за ужином Селяхаттин ничего не произнес, я сказала: Селяхаттин, ты видел, их свергли! Хм, да, действительно, ответил он, правительство свергнуто, «Единение и прогресс» сбежали, погубив государство, а войну мы проиграли! Он не мог смотреть мне в глаза, и мы молчали. А вставая из-за стола, он произнес — отводя взгляд, со стыдом, словно говорил о позорном грехе, что хотелось забыть: теперь, Фатьма, мы вернемся в Стамбул, когда я закончу энциклопедию, потому что по сравнению с делом, которое я выполняю, написав эту энциклопедию, мелкие повседневные глупости, называемые этими глупцами политикой, — ничто; то, что я здесь делаю, гораздо важнее и глубже, это невероятно важная миссия, влияние этого труда продолжится многие столетия спустя, и теперь у меня нет права, Фатьма, бросать эту работу незаконченной. А сейчас я немедленно поднимаюсь наверх работать, сказал Селяхаттин и тотчас поднялся к себе, и писал эту проклятую энциклопедию еще тридцать лет, пока не открыл понятие смерти, четыре месяца спустя не умер, мучаясь от ужасной

боли, когда у него пошла изо рта кровь; и благодаря тому, что он писал, я уже семьдесят лет здесь, в Дженнет-хисаре, и спаслась, не погрязла в грехе, который ты называл «Стамбул будущего» и «Государство атеистов» — только за это я и благодарна тебе, Селяхаттин, — да, я спаслась, спи теперь спокойно, Фатьма...

Но мне не спится, и я слушаю шум далекого поезда, его гудок, долгий-долгий гул мотора и стук колес. Я давно любила эти звуки. Я всегда думала о том, что где-то далеко есть безгрешные страны, земли, дома и сады; я была ребенком, меня было просто обмануть. Вот еще один поезд проехал, теперь ничего не слышно; а куда он — не думай! Подушка у меня под щекой нагрелась, я повернулась на другой бок. Положила другую щеку на подушку — подушка прохладная. Зимой по ночам было холодно, но никто ни к кому не прижимался. Селяхаттин храпел во сне, а я, не выносившая запаха вина, струившегося из ямы его рта, уходила в соседнюю комнату и сидела в холоде. А однажды я пошла в другую комнату, решила — взгляну-ка на его бумаги, что он там пишет такое с утра до вечера, что уже написал. Он писал статью о предке человека — горилле; в эти дни, писал он, мы становимся свидетелями невероятного подъема науки, демонстрируемого ныне Западом, на фоне чего вопрос существования Аллаха можно не принимать во внимание, так как он кажется смешным. Восток все еще спит в глубокой и мерзостной тьме Средневековья, но это не должно ввергать нас, горстку просвещенных людей, в уныние, а, наоборот, воодушевлять на великий труд, ибо совершенно ясно, что мы должны не просто перенести оттуда сюда всю эту науку, а должны заново все это открыть. Чтобы быстрее уничтожить эту разницу в несколько столетий между нами, писал он. И сейчас, когда на исходе седьмой год этого огромного труда, я вижу массы людей, одураченных страхом Аллаха. Так он писал. Боже мой, Фатьма, не читай больше, но я читала. Значит, чтобы разбудить эту инертную массу, писал он, я должен выполнить несколько странных дел, которые будущим поколениям покажутся очень смешными. Был бы у меня друг, с которым

я мог бы поговорить обо всем этом, но нет, друга у меня нет, а на эту бессердечную женщину я больше не надеюсь, ты совершенно одинок, Селяхаттин, писал он, все писал и писал. А на маленьком листке бумаги было написано, что нужно сделать завтра. Чтобы доказать всем, кто еще не пробудился, что Аллаха не существует, он привел три простых примера, взятых из карты миграционных путей аистов и других птиц в книге Поликовского. Но нет, больше я не могу читать, хватит, Фатьма; я отшвырнула его греховные бумаги и выбежала из холодной как лед комнаты, полной богохульств, чтобы не входить туда до того самого холодного снежного дня, когда он умрет, а на следующее утро Селяхаттин сразу все понял, — значит, ты вчера ночью, пока я спал, входила в мою комнату, Фатьма? Я молчу. Значит, ты вошла в комнату и рылась в моих бумагах, а, Фатьма? Молчу. Ты рылась в них, все перемешала, а некоторые — уронила на пол, да, Фатьма? Ладно, не важно, можешь читать, читай сколько хочешь, читай! А я молчу. Ты читала, правда? Молодец, правильно, Фатьма! А что ты думаешь об этом? Я все молчу. Ты же знаешь, что я всегда хотел этого. Читай, Фатьма. Читать — самое лучшее, читай и учись, ведь так много предстоит сделать, да? Я молчу. Если будешь читать и прозреешь, то однажды увидишь, Фатьма, как много всего нужно сделать в жизни. Как много всего!

Нет. Сделать нужно мало. Прошло девяносто лет, и я знаю — сделать нужно мало: я смотрю — вокруг, я вижу — предметы, комнаты; еще немного времени; невозможно остановить капли, капающие из крана, который никак не закрыть. Для моего тела, у меня в голове «сейчас» было «недавно», а «недавно» — «сейчас», глаза открываются — закрываются, и ставни открываются — закрываются, день-ночь, вот и новое утро. Но меня не обмануть. Я опять буду ждать. Завтра они приедут. Здравствуй, здравствуй! Будьте здоровы. Бабушка! Поцелуют руку, улыбнутся — как странно чувствовать на руке волосы склонившейся ко мне головы. Как вы, Бабушка, как вы? Что может сказать такая, как я? Я живу, я жду. Мертвецы, могилы. Приходи, сон, приходи.

Я повернулась в кровати. Теперь я и сверчка не слышу. И пчела улетела. Сколько до утра? По утрам на крыше вороны, сороки... я просыпаюсь рано и слышу их. А правда, что сороки воруют? Драгоценности королев, принцесс? Говорят, однажды сорока что-то украла и за ней погнались. Интересно, как это птица смогла улететь с таким грузом. Как они летают? Как летают воздушные шары, цеппелины, и тот парень, Линдберг (Селяхаттин о нем писал), — как он летает? Если Селяхаттин выпивал не одну, а две бутылки, он забывал, что я не слушаю, и после ужина начинал рассказывать. Сегодня я, Фатьма, написал о самолетах, птицах и полете, на днях закончу статью о воздухе, вот, послушай: воздух — не густой, Фатьма, он состоит из частиц, и вода занимает такое же место в воздухе, какое в воде занимает плывущая лодка, — нет-нет, я не понимаю, как летают воздушные шары и цеппелины. Но Селяхаттин уже разошелся, рассказывает, и всякий раз кричит о своем выводе: вот, вот это все и нужно знать, вот что нам нужно — энциклопедия. Если изучить все естественные и общественные науки, то Аллах умрет, а мы... но больше я тебя не слушаю! Если он выпивал и третью бутылку, то говорил с яростью: «Да, Аллаха нет, Фатьма, теперь есть наука. Умер твой Аллах, глупая женщина!» Но я все равно не слушаю! А потом, когда у него не осталось ничего, во что можно верить, кроме любви к самому себе и отворачивания к самому себе, его охватила гадкая страсть, и он бежал к ней, в маленький домик в нашем саду. Не думай об этом, Фатьма. Служанка... Не думай... Оба — ущербные! Думай о чем-нибудь другом! О прекрасном утре, о старых садах, о повозках, запряженных лошадьми... Приходи, сон, приходи.

Моя рука тянется, как осторожная кошка, и лампа у моего изголовья гаснет. Беззвучная, тихая темнота! Но я знаю, что есть тусклый свет, что светит сквозь ставни. Теперь я не вижу предметов, они избавились от моих взглядов, замолчали и замкнулись в себе и словно говорят, что сумеют стоять неподвижно на своих местах и без меня, но я-то вас знаю: вы там, вещи, вы там, так близко от меня, вы словно чувствуете меня. То и дело какая-нибудь из них затрещит, я узнаю

Литературно-художественное издание

ОРХАН ПАМУК
ДОМ ТИШИНЫ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Валерий Камендо, Елена Шнитникова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.12.2016. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 18,48. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YAUUM1697502R